

Фельетонъ.

ЯРМАРКА ВЪ ГОЛТВѢ.

(ОЧЕРКЪ).

Мѣстечко Голтва стоитъ на высокой площади, выдвинувшейся въ луга, какъ мысъ въ море. Съ трехъ сторонъ обрѣзанная капризнымъ теченіемъ Псела, эта ровная площадь открываетъ широкіе горизонты на сѣверъ, западъ и востокъ, а въ южной части ея столпились въ живописную группу бѣлыхъ хатки Голтвы, утопающія въ зелени тополей, сливъ и черешень. Изъ-за хатъ, вздымаются въ небо, безоблачное и знойное, пять главъ деревянной церкви, простенькой и тоже бѣлой. Золотые кресты отражаютъ снопы солнечныхъ лучей и теряютъ въ блескѣ солнца свои формы—кресты похожи на факелы, горящіе яркимъ пламенемъ.

На востокъ раскинулась равнина обработанныхъ полей—вплоть до горизонта пестрятъ квадраты, желтые и темные, среди нихъ тамъ и тутъ стоятъ пышныя, зеленыя лопухи, бѣлыя хатки прячутся въ садахъ, дороги выютъ межъ хлѣбовъ какъ змѣи, и стала вдали на выгонахъ—какъ игрушечныя. На западъ площадь крутымъ обрывомъ опускается къ быстро текущему Пселу, его вода блеститъ на солнцѣ серебромъ, на берегахъ стоятъ вербы и осокора, за Пселомъ опять поля до горизонта и опять на нихъ куски яркой зелени, полосы созрѣваго хлѣба и бѣлыя пятна хуторовъ. Хутора, въ рамкахъ изъ тополей и вербъ—всюду куда ни взглянешь. Гуето засѣяна людьми благодатная земля Малороссіи.

Надъ громаднымъ пространствомъ, тѣсно заставленнымъ возами, тысячеголосый говоръ стоитъ въ воздухѣ, знойномъ и пыльномъ. Всюду толкуются, спорятъ и „грегочуть“ „чоловікѣ“, горохомъ разсыплются бойкія рѣчи „жінкѣ“. Десять хохловъ въ минуту выпускаютъ изъ себя столько словъ, сколько въ то же время наговорятъ трое евреевъ, а трое евреевъ скажутъ въ ту же минуту, не болѣе одного цыгана. Если сравнить, то хохла слѣдуетъ примѣнить къ вужкѣ, еврея къ скорострѣльному ружью, а цыгана—это митральеза. Черныя лица, черные волосы и бѣлые хищные зубы цыганъ такъ и мелькаютъ въ толпѣ, ихъ характерная, страст-

ная и гортанная рѣчь трещить въ ухахъ, за ней не успѣваешь слѣдить, ихъ порывныя движенія и жесты красивы, но заставляютъ опасаться, быстрые темные глаза съ синеватыми бѣлками, сверкаютъ хитростью и нахальствомъ. Ловкіе, гибкіе, они являются ласковыми лицами басенъ, и сейчасъ же скалятъ зубы, какъ голодные волки. Четверо изъ нихъ осаждаютъ какого-то „чоловіка“, уже сбитаго съ толку и растерявагося въ градъ убѣдительныхъ рѣчей, осыпавшихъ его немудрую голову. Онъ стоитъ среди нихъ, усердно чешетъ затылокъ и тяжело соображаетъ. У него на поводу молоденькая лошадевка—ее осаждаютъ оводы съ такимъ же усердіемъ и жаромъ, какъ ея хозяйина цыгане... Возругъ этой группы толпа, внимательно слѣдящая за ходомъ сдѣлки.

— Подожди... говорить хохоль...

— Не хочу! восклицаетъ цыганъ... Что мнѣ ждать—хаба жъ я съ того, что подожду, гроши зароблаю? Я тебѣ говорю прямо, какъ передъ Богомъ—моя лошадь такая, что и самъ полтавскій губернаторъ на ней поѣхалъ бы, куда хочешь.

— Хоть въ Петербургъ! Вотъ на—какая моя лошадь! А что твоя? Только тѣмъ она на мою и похожа, что у нея тоже четыре ноги и хвостъ! А какой у нея хвостъ? Это стыдъ, дядько, стыдъ, а не хвостъ...

Цыганъ ожесточенно дергаетъ лошадь за хвостъ, шупаетъ ее всюду и руками и глазами и все говорить, говорить. Его товарищи пренебрежительно совѣтуютъ ему...

— Э, брось! Что тебѣ хочется въ убытокъ мѣняться? Вотъ дурной малый!.. Брось...

— Въ убытокъ? Ну, и буду мѣняться въ убытокъ! Развѣ жъ я моему коню и карману не хозяйинъ? Мнѣ человекъ нравится, я хочу человекъ доброе сдѣлать! Дядько! Молитесь Господу!..

Хохоль снимаетъ шапку, и они оба истоиво крестятся на церковь.

— Ну, Господи благослови! восклицаетъ цыганъ... Берите-жъ моего коня и помните мое доброе сердце... Верите его, и давайте мнѣ пять карбованцевъ придачи... Вотъ и все! Кончено!.. Давайте руки!..

Хохоль изо всей силы бьетъ ладонью по ладони цыгана и говоритъ.

— Два дамъ!

— Э! Четыре съ половиной!

— Два!

Цыганъ такъ шлепнулъ по рукѣ хохла, что тотъ потрясъ его въ воздухѣ и потомъ внимательно осмотрѣлъ свою ладонь, какъ-бы удостовѣряясь—цѣла-ли?

— Четыре ровно!

— Два! упорно стоитъ на своемъ хохоль.

— Ну, утомленно говоритъ цыганъ, идите-жъ теперь къ вашей жинкѣ и расскажите ей, какой вы дурень...

— Два съ полтиной, говоритъ хохоль.

— Вотъ что—молитесь Богу!

Снова молятся и снова бьютъ руки другъ друга.

— Ну,—берите же на свое счастье, мнѣ въ убытокъ,— не хочу я съ васъ, добрый человекъ, лишникъ грошей брать, коли нѣтъ ихъ у васъ въ карманѣ... Даете три съ полтиной!

— Ни, качаетъ головой хохоль, оглядывая лошадь цыганъ, понурую и шаршавую.

— Три съ четвертью?

— Ни...

— Чтобъ ваша жинка сказала вамъ столько „ни“, когда вы у нея борща попросите! Даете три гладкихъ карбованца?

И то не даете? Такъ берите жъ за вашу цѣну... Э, пропали мои гроши и конь хорошій!

Лошадей передаютъ изъ полы въ полу, хохоль уходитъ, ведя на поводу вымѣненную крупную, рыжую кобылу, равнодушная переступающую разбитыми ногами. Морда у нея печальная, и уныло смотрятъ ея тусклые глаза на толпу людей критически разглядывающую ее.

Но скоро хохоль возвращается назадъ. Онъ идетъ торопливо такъ, что лошадка едва успѣваетъ за нимъ, лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотрятъ на вѣстрѣчу ему спокойно и разговариваютъ о чемъ-то на своемъ странномъ языкѣ.

— Це діло не законне, показывая головой говорить хохоль, подходя къ нимъ.

— Какое діло? освѣдомляется одинъ изъ цыганъ.

— А це... Якъ-же вы мѣни...

— А что мы тоби?

— Подождите... Якъ-же...

— А якъ-же?

— Да подождите-же!

— А чего-же ждать? Когда кобыла родитъ? Да ты жъ, дядько, еще и не вѣнчался съ ней!

Въ толпѣ хохотъ. Бѣдняга хохоль шпешитъ къ ней.

— Добрые люди—ратуйте! Воны мѣня беззубу коняку на мѣсто моѣи зубатой наміяли!
Толпа не любитъ неловкихъ, также какъ и слабыхъ. Она становится на сторону цыганъ...

— А де-жь у тоби очи булы? — спрашиваетъ хохла сивый старикъ.

Не вмѣй зъ цыганами діла! — поучительно являетъ другой. Обманутый, рассказываетъ, что онъ сморгнулъ зубы у коня, но на вершине не обратилъ вниманія, а изъ нихъ три показываются сломанными. Должно-быть коня тогда-то сильно ударили по мордѣ и сломали ему три зуба. Куда онъ годится такой? Онъ ѣсть не можетъ — вошь у него какой издутый животъ. Человѣка два-три изъ толпы начинаютъ защищать хохла. Возникаетъ вальтъ, и громче всѣхъ кричитъ, не устывая, цыганъ...

— Э, добрый чоловікъ! чего-жь ты загіявъ таку завороху? Хоба ты не знаешь, якъ треба конівъ купувати? Конівъ купувати—якъ жінку вибрати, все одно, таке уже важно діло... Слухай, я тоби скажу відау казку... Якъ булы на світи три братива, двое разумні, а третій дурень—ось якъ ты, а боже я...

Товарищи цыгана тоже орутъ во всю глотку, оправдывая его, хохлы лѣниво ругаются въ отвѣтъ, толпа становится всегуще и тѣснѣе...

— Що-жь мѣня застасться, добріи люди? горестно вопрошаєтъ обиженный.

— Ходи до урядника! кричать ему.

— А и пойду! рѣшаєтъ онъ.

— Стой чоловіче! останавливаетъ его цыганъ.—Разорить меня хочешь? Разорять! Давай мѣ три карбованца—я тебѣ твою лошадь назадъ вѣддамъ? Жельнешь? Давай два? Жельнешь? Ну, иди и жалуйся...

Хохлу не особенно пріятно „тѣтатъ къ ділу“ урядника и онъ задумывается. Со всѣхъ сторонъ ему даютъ совѣты, но онъ остается глухъ и нѣмъ, рѣшая что-то про Чкаловець рѣшилъ...

отъ що, уныло говорить онъ цыхай Богъ тебя судить... Отдай коня, а карбованца, два зъ полудо ты въ придачу узаль—твои... трясцѣвъ тоби у боки—грабы!

Цыганъ ограбилъ его, съ такимъ ведомъ, точно великую милость ему оказалъ.

— Догадливы люди! похваливали „чоловіка“ цыганъ, отходя отъ нихъ.

— Деготь московскій, отличный, фабричный, аккуратный, апаратный, пахучій, тягучій! Шестъ копѣекъ кварта, пятнадцать четверть! возглашаетъ черниговецъ, возсѣдающій на телѣгѣ. Телѣга, бочка и самъ торговецъ все это черно и жирно отъ дегтя и все двигается одной силошной массой, распространяя вокругъ характерный аромать.

— А мабудь и по пять за кварту продадите? спрашивается у дегтярника „чоловіка“ въ необычайно-широкихъ штанахъ и въ соломенной шляпѣ на головѣ.

— Тпру-у! По пять не магу, хоз йну на шесть копеекъ присягаль...

— А мабудь можно по пять?

— Никакъ...

— Эге... Совсімъ не можно?

— Слушай,—дядько, продамъ тебѣ по пять не говори только никому... Не скажешь?

— Ни, не скажу...

— Ну, давай баклажку.

— На що?

— А на деготь!

— Та мѣня того вашего дегтя не треба, бо я вже кушивъ... И тежь по шість копѣекъ и тежь у васъ... Я спросивъ васъ за тѣмъ, що мабудь вы теперъ дешевше видаете цей деготь.

Дегтярникъ молча отвертывается, трогаетъ лошадь и ѣдетъ между воевъ возглашая о своемъ товарѣ... Чоловікъ провожаетъ его взглядомъ и говоритъ другому раскинувшемуся на возу:

— Коли-бъ я не куповалъ кварты дегтя утромъ—была-бы въ меня копійка лишня у кишени...

— Эге-жь... Жарко!

— Якъ у пекли...

— Хоба жъ твоей батько писавъ тебѣ зъ пекла, якъ тамъ жарко? спрашиваютъ съ воза.

Томящій зной все усиливается. Запахъ дегтя, навоза и пота висятъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ тонкой пеленой ѣдкой пыли. Всюду у воевъ стоятъ и лежатъ волы, жуютъ, не уставая сѣбно и смотреть въ землю большими, добрыми глазами. Кажется, что они думаютъ—у нихъ тавія осмысленныя морцы и въ глазахъ свѣтится спокойная привычная печаль. Мычатъ коровы и телата, блеютъ овцы, раздаются звонъ кестъ, пробучныхъ покупателей. „Чоловіка“, прѣхавшіе продавать скотъ или руно, лежатъ подъ возами, скрываясь отъ солнца и ожидая покупателей. „Чоловіка“ покупающие,

расхаживаютъ между возами, высматривая скотъ и шагая черезъ ноги продавцовъ, разбросанныя на землѣ. У каждого покупателя въ рукѣ кнутъ и, подходя къ воламъ, покупатель считаетъ нужнымъ вытянуть смиренную скотину по боку кнута. Волы медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются отъ удара, если стояли на ногахъ.

— Скільки за сю пару просите?—спрашиваетъ покупатель пространство.

Изъ подъ воза раздается неторопливый отвѣтъ:

— Девяносто рублѣй...

— И то гроши,—говоритъ покупатель отходя или спрашиваетъ.

— А чего-жь бы вамъ, дядько, піднягу не просить?

— Та вже мѣня бѣльш того, сколько треба—не треба грошѣвъ. А коли вы ужъ та добрый, то давайте и усю сотвию—я візьму.

— Спасибо вамъ... А сколько жъ вы бѣдиломъ взяли?

— Та вже такъ, що-бъ не довго балакать, возьму я съ васъ... девяносто рублѣвъ...

Начинается торгъ. „Чоловіка“ не торопятся—это совсімъ не въ ихъ характерѣ—и продавецъ вылѣзаетъ изъ подъ воза не ранѣе того, какъ убѣдится, что покупатель серьезный. Понемногу горячатся, и вотъ уже бьютъ другъ друга по рукамъ, молятся по десяти разъ и болѣе, расходятся, снова сходятся. Все дѣлается медленно, но основательно, вдумчиво. Ядреной и крутой ругани великоруссовъ, отъ которой духъ въ груди спираетъ и глаза на лобъ лѣзутъ—не слышно, ее замѣняетъ колкій и мѣткій юморъ, щедро украшающій рѣчи. Не слышно и великорусскаго „тыканья“. Сивый дідь, у котораго безусый хлопецъ торгуетъ пару молоденькихъ бычковъ, такъ, напрямѣръ, отчитываетъ покупателя.

— Здаєцца мѣня, что вы, хлопче, раненько маткину цицьку на люльку зміняли, бо разума у річахъ вашихъ не бачу я.

— Та якъ-же діду! Воны и не красиві—ось роги якіє.

— А хоба-жь вы рогамы пахати будете? Такъ купуйте-жь собі козловъ,—у нихъ рога красивѣйши...

(Окончаніє слѣдуетъ).

М. Горькій.

ЯРМАРКА ВЪ ГОЛТЪ.

(ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе.).

Сыны Израиля вертятся межъ воевъ, какъ вьюны. Они обо всемъ спрашиваютъ, все шупаютъ и все покупаютъ. „Чоловѣк“ говорятъ имъ „ты“ и смотрять за ними во всѣ глаза. Пань встрѣчаются съ „чоловѣками“ съ чувствомъ собственнаго достоинства и въ разговорѣ съ паномъ у хохла съвозъ вѣщью почтительность пробивается не одна нотка пренебреженія. Видно, что панъ давно уже опредѣленъ какъ—„денужна козавка у пчелиномъ роѣ“.

У одного изъ воевъ корова, привязанная въ нему, вдругъ зашаталась на ногахъ и въ корчахъ повалилась на землю. „Жінка“, продававшая ее, соскочила съ воза и закрутилась вокругъ больного животнаго, какъ въ вихрѣ. Испугъ, граничащій съ ужасомъ, выразился на лицѣ блѣдой женщины, сразу лишившейся надежды продать свою добрую скотину.

— Ой Господи! Ой, добри люди! Рятуйте... що воно таке? Що воно? Ой, мати Пречистая!

Сразу выросла толпа и принялась горячо обсуждать несчастье. Дѣлали предположенія, отчего именно заболѣла корова и какъ всего лучше дѣлать ее. Явился какой-то древній старикъ, весь, точно плѣсенью, покрытый лохмотьями и началъ отчитывать корову, творя шепотомъ молитву. Толпа присни-мала шапки и молча ждала результатовъ моленія, изрѣдка крестясь. А корова билась на землѣ въ судорогахъ, пыталась встать и снова грузно падала. Она тяжело вздыхала, и много боли было въ ея кроткихъ глазахъ. Потомъ ея хозяинъ, снявъ съ головы шапку, сталъ ея растирать хребетъ животнаго, трижды обвелъ шапкой вокругъ роговъ, трижды вокругъ шеи и столько же вокругъ хвоста. И это не помогло. Принесли бутылку дегтя и вылили въ глотку животнаго, потомъ угостили его скипидаромъ, наконецъ явился коноваль, угрюмый мужикъ, съ разнообразными инструментами у пояса. Онъ важно осмотрѣлъ корову и пробилъ ей какимъ-то ржанымъ гвоздемъ вену на шеѣ. Тонкими струйками хлынула густая, черная кровь. Какой-то моралистъ нашелся въ толпѣ. Онъ посмотрѣлъ на ко-

рову и ея хозяина, убитаго горемъ и ска-залъ:

— Отъде вамъ, дядько, Божье наказаніе... Здаецца мині, що хотѣли вы утайти, яка вона ваша корова... И открывъ Господь людямъ вашу думку... Отъ якъ!

Хохоль посмотрѣлъ на него и грустно покачалъ головой.

— Богъ мою думку знае... вздохнулъ онъ.

А рядомъ съ этой сценой разыгрывается другая. „Жінка“, размахивая руками, какъ поломанная мельница крыльями, бранить своего „чоловѣка“. Онъ сидитъ на землѣ, упираясь въ нее руками и блаженно улыбается. Носъ у него красный, сіяющій, шапка на затылкѣ, воротъ рубахи развязался, и солнце бьетъ ему прямо въ грудь и лицо.

— Голодранецъ ты! Хаба-жъ морді твоїей не стыдно? Э э, шибениакъ! Визьму кнутъ та якъ учну стегать...

— Оде-ена! Утыхо-о-омырся-а!—тянетъ „чоловѣк“ подмигивая жінкѣ.—Слухай.. Я и тобі пивкварты кузивъ.

— О-о! стонетъ жінка... Безстыжи очи! Наклоняя къ мужу, она съ великимъ трудомъ приподнимаетъ его съ земли и старается засунуть это ослабленное хмѣлемъ тѣло подъ возъ. „Чоловѣк“ стучается головой о колесо и предупреждаетъ жену.

— У кармані штанивъ скляница... то якъ бы и... и вона не побилась... э?

Черезъ минуту оба они дружелюбно распеваютъ „пивкварты“ и добрая, хотя строгая, супруга, уже обложила своего благовѣрнаго съномъ и одеждой такъ, что онъ могъ свалиться въ лѣбую сторону, безъ риска удариться своей головой о колесо.

Молоденькій еврей съ ящикомъ на груди ходитъ и кричитъ:

— Роменскій табакъ! Панскій табакъ! Крѣчайшій табакъ! Чортъ курилъ—дымомъ жінку уморилъ!

— Отъ це добрый табачино, колы зъ его жінки мруты! замѣчаетъ какой-то Солопій Черевикъ.

Въ центрѣ ярмарки два длинныхъ ряда палатокъ образуютъ широкую улицу, сплошь набитую народомъ. Подъ однимъ изъ полотняныхъ навѣсовъ пріютился еврей съ рулеткой. Его окружаетъ плотная толпа преимущественно молодежи, и изъ нея то и дѣло раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса...

— Красна! Черна! Четы! Проигралъ!

Въ сторонѣ, блѣдный и встревоженный парубокъ уговариваетъ другого:

— Онясиме! Дай-же мині карбѣванецъ! Во я мабудъ и ворочу мои гроши... О, не играть-бы мині въ ту бісову штуку... Вертытється, вертытється—та и вывернетъ твои карманці...

Остробородый ярославецъ торгуетъ гребешками, ножичками, книжками, мыломъ...

— Паж-жалуйте съ! Заграничные товары! Столечныя книги! Благовонныя мыла! Небесные духи! Молодой юноша—позвольте вамъ предложить книжечку для пріятнаго чтенія-съ? Не угодно-ли подробно рассмотреть, очень занимательная исторія—смерть господина Ивана Ильича, сочиненіе графа Толстого. При семь-же веселая комедія—Флоды просвѣщенія. Очень тонко осмѣяны господа столечныя и русскіе мужики. Продаю за двадцать гривенный, дешевле никто не продастъ. А вотъ еще не пожелаєте-ли—Князь Серебряный? Про царя Ивана Грознаго... по случаю того какъ эта книжечка уже читана—за тридцать пять копѣекъ отдамъ! Стихи поэта Пушкина-съ по пятачку и по три копѣйки книжка... Прекрасные стихи, самаго веселаго содержания... Андрей Безстрашный, русская повесть... двѣна три копѣйки. Яланча, татарскій навазникъ, взятіе города Казани. О разведеніи куръ—не желаете ли просвѣтаться? Пять копѣекъ двѣна... Машинка для усовъ—извольте-съ! Житіе иже во святыхъ отца нашего... Красавица! купите зеркальце? Душастое мыло есть... Чего-съ? За Ивана Ильича и гривенникъ? Напечатано на книжкѣ—двадцать. За гривенникъ могу продать вотъ-съ Еврейскіе рассказы... Тегя! Ты такъ гребень сломаешь... Почтениый—купите братву? Загробная жизнь или о томъ, что ждетъ душу нашу по смерти... Весьма полезно знать—двѣна полтина. Не желаете? Болѣзни домашнихъ животныхъ—полюбопытствуйте! Веретаніанская кухня... описаны примѣры, что слѣдуетъ въ постные дни ѣсть... А то вотъ часики продаю,—серебро—какъ золото, ходъ самый правильныи, двѣна дешевая... Почтениыйшій—мыльца для дочкы не желаете-ли пріобрѣсти... Последнее слово, мыльцо—за Ивана Ильича—восемнадцать копѣекъ...

На одной секунды не молчатъ этотъ сухой и поджарый ярославецъ, продающій сразу двумя десяткамъ покупателей. Его звонкій голосъ издали влечетъ къ нему народъ и около его лавочки тѣсная толпа. Одни покупаютъ, другіе просто смотрять на про-

давца и слушают его бойкую, разсыпчатую рѣчь. Здоровенный усатый хохоль долго тарачилъ на ярославца большіе выпуклые глаза и вдругъ—раскохотался.

— Чого вы, пане, регочете? спросилъ его соседъ.

— Та ось винъ, цей москаль, нехай ему бисову сыну, гадюка у глотку влизе... Видѣть совсемъ якъ та молотилка языкомъ работала... Доброму чоловіку у місяць стилько не сказати, якъ винъ у часъ скажетъ...

А у вавовъ съ глиняной посудой изъ Опольши—посудой замѣчательной по рисункамъ, но грубоватой по исполненію, торгуютъ хохлы. Здѣсь не торопятся. Вотъ какая-то разомлѣвшая отъ жары женщина съ зонтикомъ въ рукахъ подходитъ, беретъ макитру, подобіе великорусской корчаги и, разсмотрѣвъ ее, спрашиваетъ.

— Скільки грошей?

— За що? освѣдомляется продавецъ, возлежащій подъ возомъ на брюхѣ.

— А за макитру...

— Трицать пять кошіекъ...

— О, лашечка! та то дуже дорого!

— Хиба-жь?

— А звисно! Вонъ она не равна, та корява...

— А що-жь вы пани, съ цей макитры стрѣлять хотате, чи що? Зачімъ ей бути ровной? Не ружѣ вона, а макитра...

— Та воно вѣрно... Ще и не гладка она, та и тускла яка-то...

— Такъ-же то зеркало, пани, гладко та блестяще, зеркало, а не макитра...

— Вона и дребезжить..

— О? То значится—въ ней дірка е.

— То-то е дірка...

— Такъ вже свѣтъ устроень, пани, что у нимъ усе діряво... Вонъ и у васъ, пани, хусточка (платокъ) зъ діркою...

Пани краснѣетъ и оправляетъ платокъ на груди...

— А вы, пани, подівитесь, може и знайдете крѣпку макитру...

Пани смотритъ макитры, а продавецъ, неподвижно лежа подъ возомъ, смотритъ на нее.

— Будьте милостивы, скажите мині—отъ така хороша? показываешь пани выбранную посудину...

— Ц? Зо всехъ наилучша...

Начинають торговаться. Это длится долго—часто прерываясь паузами, во время которыхъ женщина выдумываетъ все новые и новые недостатки макитры, а торговецъ наслаждается покоемъ въ тѣни воза. Бойчѣе

торгуютъ жанки. Онѣ продають какое-то розовое питье, вишни и тарань.*) Этой рыбы цѣлые вороха лежать на землѣ, и такъ къ ее здѣсь очень любятъ—она покупается хорошо. Звонкіе голоса жевщицъ такъ и рѣжутъ уши.

— Рыба черноморска, керченска, вкусна та солена!

— А вотъ ще наилучша рыба!

Вечерѣетъ. Солнце уже низко надъ лугами и пыль, тучей стоящая надъ ярмаркой, кажется розовой въ лучахъ заката. Всюду гонять скотину на Псель, раздаются мычаніе, суровые окрики, кое-гдѣ налаживаются пѣсни. Веселые звуки сопилки несутся со стороны погоста. Тамъ, у земляного вала, ограждающаго ниву опочившихъ, собралась толпа хлопцевъ и, не обращая никакого вниманія на „дѣдовы могилы“, собирается „танцювати“, въ виду ихъ. Тополи на погостѣ тихо качаютъ вершинами, точно протестуя противъ нарушенія мира и тишины въ мѣстѣ упокоенія.

— А шинкарь Макайда.

За двері выглядаетъ.

„Що-же воно значе,

„Що не йде козаче

„Сигида?—

распѣвають двое подлившихъ хохловъ, идя къ погосту. Они толкають другъ друга плечами и качаются на ногахъ, какъ надломленные. У обоихъ блаженные красныя лица, оба они охрипли отъ усилія пѣтъ согласнo, одинъ сдвинулъ шапку на ухо, а другой держать ее въ рукѣ и дирижируетъ ею, не замѣчая, что изъ нея выльзди и болтаются въ воздухѣ какія-то тряпки и куски пеньки. Отъ погоста навстрѣчу имъ несется дробный топотъ ногъ, съ жаромъ выбивающихъ гопака и задорные, хотя тихіе, звуки сопилки.

Тѣмъ отъ возовъ становятся все длиннѣе. Жара спадаетъ, но воздухъ еще зноенъ.

— Ратуйте! Полицейскіе уздечку украли! оретъ пьяный басъ, на секунду заглушая весь шумъ. Толпа людей бросается на крикъ. Четверо сотскихъ съ батогами въ рукахъ, миролюбиво уговариваютъ выпившаго москаля, здоровеннаго дѣтину въ плисовыхъ штанахъ, идти съ ними въ холодную.

— Пйдемо, добрый чоловікъ! проситъ одинъ изъ сотскихъ.

— Не пойдю! Не хочу! Вы у меня уздечку украли, а? Вы кто? Карауль!

— Та-лягте-жь спати, коли не идете у холодну!

*) Таранью въ Малороссіи называютъ воблу.

— Спать? Не могу! Вы уздечку гдѣ дѣвали? На конѣ моемъ была она, была... и его продалъ...

— Це-жь вы коня продали, а хвѣстъ ещѣ ищете зъ насъ?

— Братцы! Хохлы—я васъ очень люблю... оч-чень! Но почему винная лавка заперта? Кто привазалъ?..

А съ луговъ тянется запахомъ свѣже скошеннаго сѣна. Солнце сѣло, и на небѣ задумчиво замерли легкія облака еще розовой отъ заката. Шумъ понемногу стихаетъ, люди, измороженные хлопотами и зноемъ дня, укладываются спать на воздухѣ и подъ волами. Тяжело дышуть вола, пережевывая сѣно, фыркають лошади.

Теперь уже всѣ звуки разрозненны и слышны, они и не сливаются въ тотъ гулъ, что оглушалъ и ошьянял втеченіе дня. Вотъ раздается торжественная музыка. Около слѣпного играющаго на фисъ-гармоніи, толпа молчаливыхъ людей стоитъ безъ шапокъ и благоговѣйно слушаетъ музыку.

— Господа сямъ восхва-а-лимъ и восплагодаримъ Творца на-а-шего,—поетъ слѣпой, аккомпанируя себя на звучномъ инструментѣ. Густыя и успокоивающія ноты печально выются въ воздухѣ надъ головами молитвенно настроенныхъ людей, покрытыхъ потомъ и пылью. Иные шепчутъ что-то—видно, какъ шевелятся ихъ губы, иные вздыхаютъ... Большинство нѣмо, неподвижно и глубоко серьезно.

А со стороны погоста несется удалая пѣсня, исполняемая могучимъ хоромъ молодыхъ голосовъ: Гей-гей! гремитъ припѣвъ.

Слышно, что эта пѣсня складывалась въ широкой степи, верхомъ на коняхъ, во время похода, старыми, вольнолюбивыми „лицарями“, пролившими свою бурную и горячую кровь „за віру христьянску та за вольности казачи“...

— Пойте славу Бога нашего, яко Онъ Творецъ міра и прибѣжище чловѣ-е-ковъ, въ Немъ-же обращемъ упокоеніе... поетъ и играетъ слѣпой.

Ночь идетъ.

Кое гдѣ уже вспыхнули огоньки костровъ и вокругъ ихъ издали видны фигуры людей, красноватая въ блескѣ огня. Приятной свѣжестью вѣетъ съ луговъ гдѣ Псель, темный, красивый и быстрый стремительно спѣшать къ Дѣвру и съ нимъ—въ море. Вспыхиваютъ звѣзды...

Ночь идетъ...